

Социальные реалии: вчера и сегодня

© 1994 г.

Н.В. ЧЕРНИНА

БЕДНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ЧЕРНИНА Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск). В нашем журнале публикуется впервые.

Бедность — черта любого современного общества. Она существовала и в России на протяжении всей советской истории, хотя по идеологическим соображениям вместо термина «бедность» использовали термин «малообеспеченность». Каковы были масштабы бедности в России в прошедшее двадцатилетие? Наиболее простым инструментом для оценки ее масштабов служит прожиточный минимум, устанавливающий порог бедности и «отсекающий» ту часть населения, у которой душевые семейные доходы оказываются ниже прожиточного минимума¹. Ретроспективную, очень нерегулярную оценку масштабов бедности можно дать, лишь начиная с 1975 г., когда было введено пособие для малообеспеченных семей. Именно тогда государство установило порог бедности, объявив критерием в проверке нуждаемости душевой доход в семье, равный 50 руб. в месяц (без учета структуры семьи). На этом уровне были установлены гарантированный минимум заработной платы и минимальная пенсия. Прожиточный минимум рассчитывался официальными организациями, входящими в Министерство труда. Были использованы абсолютные измерители в виде расходов, необходимых для удовлетворения на минимальном уровне потребностей семьи в продовольствии и непродовольственных товарах. В 1975 г. в СССР 16% семей рабочих и служащих находились ниже установленной таким образом черты бедности. В сельской местности масштабы бедности были значительно больше. Десять лет спустя (1985) экономисты предлагали поднять «планку» бедности до 75 руб. на душу в месяц: при таком измерении в СССР около 11,3% всех семей оказывались ниже черты бедности [2]. Доля бедных в населении России оставалась примерно на том же уровне и к началу 90-х годов (11—12%). Как и в предыдущие десятилетия социально-экономические науки избегали использовать термины «бедные» или «бедность».

1990г. стал переломным с точки зрения масштабов бедности. Экономический кризис и последующая либерализация цен оказали сильное воздействие на уровень реальных доходов населения, на социальную стратификацию общества. Согласно официальной оценке, летом 1992 г. 33—40% населения находились ниже черты бедности [3]. Несмотря на предпринятые государственные меры компенсации роста цен лицам, имеющим низкие доходы, главным образом, пенсионерам и многодетным семьям, масштабы бедности отнюдь не уменьшились в течение следующего года. Статистические органы в июне 1993 г. сообщали, что ниже прожиточного минимума находилось более 1/3 населения России (стоимость корзины прожиточного минимума россиянина оценивалась тогда в 16 тыс. руб.), причем около 10% населения проживали в семьях с душевым доходом в два раза ниже этого уровня [4].

¹ В начале 20-х годов была разработана 17-ступенчатая тарифная система, первая ступень которой рассчитывалась как гарантированная минимальная зарплата. Она и представляла прожиточный минимум. Однако с конца 20-х годов не было возможности оценить масштабы бедности, т.к. публикации и анализ данных обследований бюджетов семей были прекращены после 1928 г. Они возобновились лишь в 50-е годы. Но вместо понятия прожиточного минимума в научный оборот были введены понятия минимального, нормативного, перспективного и рационального бюджетов (Г. Саркисян, Н. Кузнецова, 1967). Сконструированные бюджеты и были попыткой отразить минимальный потребительский потенциал советского общества (нормативным образом и в расчете на наиболее типичную модель семьи) [1]. В этой нормотворческой деятельности не уделялось внимания феномену бедности.

В условиях усиления инфляции, значительной дифференциации цен на товары и услуги в отдельных регионах и городах России становится все более очевидно, что официальные статистические органы не в состоянии дать конкретные оценки прожиточного минимума и, в конечном счете, размеров бедности. Государственные учреждения, предназначенные реализовать социальную политику, практикуют «административное» определение бедных, когда «символом» бедности наделяются отдельные категории населения с наибольшим риском обнищания (это все те же многодетные семьи, матери-одиночки, пенсионеры). В последние два года определение прожиточного минимума совершенно перестало играть роль ориентира в социальной политике, а используется лишь в целях информации общественности о расширяющейся бедности.

Примитивизму административного способа определения бедности можно противопоставить общественную экспертизу, базирующуюся на социологических опросах населения и нацеленную на получение субъективных представлений населения о содержании и размере прожиточного минимума на текущий момент.

Организуя данную работу в режиме мониторинга (с регулярностью раз в 3—4 месяца), Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) выявил интересную особенность. У российских граждан преобладает представление о прожиточном минимуме как о таком уровне дохода, который должен обеспечить социально приемлемый уровень жизни [5]. Признаком бедности большинство россиян считают «нехватку средств на то, чтобы жить как большинство окружающих», и лишь приблизительно 1/5 респондентов воспринимает бедность как «нехватку средств на самое необходимое»². Респонденты из бедных семей не выделяются скромностью притязаний. Данные, полученные в 1990 г., позволили сделать вывод, что «в нашем обществе практически не существует различий в стандартах потребления, на которые ориентировались бы группы населения с разным уровнем дохода. Доминирует единый стандарт обеспеченной жизни, ориентация на который требует достаточно высоких доходов» [7].

Тот факт, что большая часть опрошенных воспринимает прожиточный минимум не как физиологический, а как социальный, который позволяет жить как большая часть их социального окружения, свидетельствует о присутствии уравнительности в менталитете россиян. Также важно отметить, что в массовом сознании черта бедности пока не отделяет бедных от другой части общества. Более привычное для российских граждан понятие «малообеспеченность» предполагало некий континуум населения по уровню материального благосостояния и открытость границ между стратами, т.е. возможность перехода из одного состояния по уровню материального обеспечения в другое, более высокое. Справедливым воспринимается такое продвижение вверх в этой иерархии, которое зависит от качества труда, трудовых усилий.

Еще одно важное заключение касается многомерности феномена бедности. В согласии с традиционным административным определением бедности на базе одного измерения — размера душевого дохода в семье, также и в массовом сознании бедность связывается, преобладающим образом, с низким уровнем семейного дохода. По мнению 70% опрошенных, плохие жилищные условия не являются свидетельством бедности, если при этом доходы в семье вполне достаточные [Там же]. Этим восприятие бедности россиянами радикально отличается от восприятия жителей западноевропейских стран, где качество жилья является одним из главных признаков дихотомии бедные—богатые.

Суждения россиян о бедности явно неадекватны природе этого социального феномена. Но ясна также и принципиальная ограниченность понимания проблемы использования общепринятого показателя бедности — душевого дохода в семье в сравнении со стоимостью корзины прожиточного минимума. Эти обстоятельства побуждают исследователей к разработке аппарата изучения бедности как состояния бытия. Обратимся к результатам специализированного опроса взрослого населения, которое провел ВЦИОМ в июне 1993 г. В ходе исследования только 6% респондентов оценили материальное положение своих семей как очень хорошее или хорошее, 53% — как среднее, 38% — как плохое или очень плохое [8]. (Привлечение сведений о текущих денежных доходах семей показало, что негативные оценки своего материального положения преобладают среди представителей низкодоходных групп.) Попытаемся выделить особенности в восприятиях и поведении третьей категории,

² Интересно, что интуитивное определение бедности россиянами очень похоже на то, которое дает авторитетный исследователь Peter Townsend: бедность как состояние, вызванное «недостатком материальных ресурсов в течение определенного отрезка времени я в такой степени, что ведение нормального образа жизни я наличие условий жизни, которые являются привычными или по крайней мере поощряются или принимаются в обществе, становится невозможным или чрезвычайно затруднительным» (Townsend, 1979). Цитируется по [6].

презентирующей в основном бедных. Априори ясно, что имеются значительные различия между бедными и состоятельными семьями (1-я категория). Но обнаруживаются ли заметные различия между бедными и более-менее благополучными семьями (теми, кто оценил свое материальное положение как среднее — 2-я категория) так, чтобы можно было предположить, что началось отделение бедных от общей массы среднего слоя в социальный страт с особыми чертами поведения и культуры? Действительно, летом 1993 г. наблюдались различия в самых общих ощущениях сложности жизненных проблем, судя по их ранжированию на основе ответов трех категорий респондентов на вопрос «Что больше всего осложняет жизнь Вашей семьи?» Естественно, что проблеме низких доходов был придан ранг 1 как второй, так и третьей категорией опрошенных (в семьях среднего достатка эту проблему выделяли 53% респондентов, а в бедных — 88%). Самое большое отличие состоит в несомненно большей значимости, придаваемой представителями бедных семей, факторам психологического порядка — безысходности, отсутствию перспектив в жизни. Относительно меньше волнует бедных отсутствие возможностей дать детям хорошее образование. (Вполне вероятно, что они еще не осознали, что с введением платного образования бедные будут дискриминированы в правах на хорошее образование.) И даже известный «жилищный вопрос» и бытовые трудности являются для бедных существенно менее значимыми. Таким образом, решение перспективных проблем — качественное воспроизводство поколения, жилищное обустройство и т.д. — отступает на задний план перед проблемой сегодняшней борьбы за выживание, за предотвращение обнищания.

Второй аспект сопоставительного анализа — различия в потребительском поведении представителей семей разного достатка (вопрос «Приходится ли Вам в последнее время экономить, сокращать свои расходы, и если да, то на что прежде всего?») Судя по ответам, 98% респондентов из бедных семей вынуждены экономить, сокращать расходы (в 1-й категории — лишь около половины и 88% — во 2-й категории). Такое поведение, постоянно рационально взвешивающее ценность товаров, сопоставляющее очередность покупок нужных вещей, разительно отличается от покупательской лихорадки 1990—1991 гг. Первая статья экономии расходов во всех категориях семей — одежда, обувь. Бедные выделяют приоритетной экономией расходов на питание (отметили 58%, среди семей среднего достатка — 32%, среди состоятельных — 5%), т.е. бедные осуществляют экономию расходов в повседневном потребительском поведении, экономия становится заботой каждого дня. В перспективе бедные сформируются, очевидно, как потребители некачественных продуктов питания.

Третий аспект анализа — сопоставление стратегий, которые имеются в распоряжении разных категорий семей, по улучшению своего материального положения. Общей чертой соответствующего поведения всех категорий является доминирующая роль деятельности в домашней экономике («стараясь больше делать для себя сами — работаем на дачном, садовом участке, строим, шьем, ремонтируем и т.д.») — отметили в среднем 46% респондентов. Такое поведение является альтернативной рыночному потребительскому поведению, ограничивает участие людей в операциях на потребительском рынке как покупателей. Даже в состоятельных семьях активную деятельность в сфере самообеспечивающей домашней экономики отметили 39% респондентов.

Черты рыночного поведения (дополнительные подработки, дополнительная занятость) характерны для усилий 25% респондентов из бедных семей и несколько больше — из семей среднего достатка (29%). Черты пассивного ожидания бедными помощи извне видны в следующем: 38% из этой категории респондентов ответили, что они «ничего не могут предпринять для улучшения своего материального положения» (среди семей среднего достатка — 20%, состоятельных — 3%). Зато бедные относительно больше, чем другие выражают склонность к внешней мобильности: подыскивают другое место работы (14%), в то время как среди представителей семей среднего достатка — 9%. Таким образом, бедные в большей степени делают ставку на хорошего работодателя (по основной работе), более склонны к разрыву существующих отношений занятости. Можно предположить, что среди соискателей работ на рынке труда бедных будет больше, чем других категорий так же, как и среди лиц, претендующих на пособия по безработице.

Причины меньшего участия бедных в дополнительной занятости остались «за кадром» опроса. Заключаются ли они в особенностях их квалификационного потенциала или это следы благотворительности государства, когда социальная помощь избирательно предназначалась определенным группам, выделенным на основе проверки нуждаемости? Кстати, политику избирательной благотворительности такого рода осуществляли и профсоюзы, которые при распределении дефицитных социальных благ (путевки в санатории, детские учреждения, земельные участки и т.д.) использовали все тот же критерий нуждаемости. Крайне редко

распределение социальных благ на уровне предприятий выполняло поощрительную функцию по отношению к добросовестным работникам.

Продолжением изучения категории бедных с точки зрения специфики их занятости является проверка гипотезы о том, что бедность сопряжена с выполнением определенных видов деятельности — непрестижных, малоквалифицированных и низкодоходных работ. Герберт Ганс (1973) среди функций бедности выделял, что она заставляет людей заниматься определенными типами деятельности, поскольку других возможностей у них не осталось. Данное обстоятельство в свою очередь освобождает небедных от занятий этими видами деятельности ила предоставляет небедным некие преимущества, которых у них в противном случае не было бы. В итоге ряд видов деятельности служит для того, чтобы провести границу между бедными и небедными³.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют однозначно оценить эту связь между бедностью и характером занятий в России. Прежде всего потому, что в прежней советской системе была извращена зависимость оплаты от качества труда. Со стороны народного хозяйства постоянно предъявлялся большой спрос на ручной вспомогательный, неквалифицированный труд. По отношению к занятым этим трудом высокая заработная плата выполняла функцию привлечения рабочей силы. И до сих пор на рынке труда имеется множество вакансий с невысокими требованиями к качеству рабочей силы, с неблагоприятными условиями труда, что позволяет работникам невысокой квалификации быстро решать проблемы трудоустройства и дохода. В то же время в ситуации экономического спада теряет занятые, источник дохода и попадает в состояние затяжной безработицы в массовом порядке средний слой, представленный лицами интеллектуального, конторского труда и т.п.⁴. Среди них распространены явления профессиональной деградации и обнищания и в то же время — стремление сохранить прежние культурные стандарты.

Бедные в России в 70—80-е годы образовывали небольшой сегмент населения по признаку низкого материального достатка, но не отличались особым режимом социального воспроизводства, жизнедеятельности, отсутствием доступа к общественным благам. Бедные в основном концентрировались в селе. Бедность определялась, главным образом, семейно-демографическими факторами или инвалидностью. Кто были бедными в 80-е годы? Многодетные семьи (с тремя и более детьми) составляли половину всех бедных, молодые супружеские пары — 1/3 и пенсионеры — около 1/5 [10]. В начале 90-х годов, в процессе перехода к рыночной экономике, наибольшее ухудшение жизненных стандартов испытывает средний слой населения России, который принято рассматривать как базу экономической и политической стабильности общества. Средний слой интенсивно вымывается из социальной структуры, а новый приток в него (за счет фермеров, работников негосударственного сектора и т.д.) формируется очень медленно [11]. Похожим образом и в других постсоциалистических странах под ударами экономического спада оказались горожане, работники государственного сектора, включая так называемых «белых воротничков».

В программу нашего проекта изучения городской бедности входят обследования населения Сибири, проживающего в городах двух типов: а) крупном городе-центре перерабатывающей промышленности, с высокой долей производств военно-промышленного комплекса; б) в городах, специализирующихся на обслуживании добычи сырья (нефти, угля). В статье мы приведем некоторые данные обследований в городе первого типа — Новосибирске, а именно результаты обследования безработных (февраль 1993 г.), памятью о том, что международный опыт исследования бедности тесно связывает ее с состоянием безработицы⁵. Исследователи

³ Цитируется по [6].

⁴ Связь между качеством труда и размером оплаты еще более искажается в нынешних процессах приватизации, когда предприятия различных отраслей стремятся повысить цены на продукцию и зарплату, но имеют для этого неодинаковые возможности. Пятерку отраслей с наивысшей зарплатой составляют, главным образом, предприятия добывающих отраслей, где основная масса занятых имеет невысокую квалификацию. В наибольшей степени отстают от лидирующей группы и имеют самые низкие темпы роста зарплаты предприятия машиностроения и металлообработки, где сконцентрирован самый квалифицированный отряд рабочего класса [9].

⁵ Новосибирск — город с населением в 1,5 млн. человек, многоотраслевой структурой хозяйства, большой долей занятых в науке и научно-техническом обслуживании производства. В последние 2—3 года в городе бурно развивается рыночная инфраструктура, сфера посреднической деятельности (банки, биржи и т.п.) и предпринимательство. Происходит резкое расслоение локального общества на бедных и богатых. По мере приватизации увеличивается количество безработных, среди которых наибольший удельный вес составляют по социальным характеристикам — средний класс, а по демографическим — женщины. Формируется застойная женская безработица.

американского низшего класса подчеркивают, что основными факторами риска, которые могут привести человека в состав городской бедноты, являются длительное нахождение в состояний безработицы, пожилой возраст, нетрудоспособное состояние и нахождение во главе семьи женщины (Rickets and Sawhill, 1988)⁶.

Среди опрошенных безработных мы выделили тех, кто оценил уровень благосостояния своей семьи как «низкий». Таких среди респондентов оказалось 50,5%. Проверка по контрольному показателю — «размер душевого дохода в семье за предыдущий месяц» показала, что 73% членов выделенного подмассива имели доход ниже прожиточного (физиологического) минимума, установленного в регионе, а остальные составили «пограничный» слой. Таким образом, мы имеем основание назвать выделенный подмассив «бедные». 94,2% бедных отметили ухудшение материального положения семьи за последний год, в течение которого большинство наших респондентов-бедняков были не заняты, либо заняты лишь часть года.

Заметны признаки маргинализации этой категории безработных. Бедных в наибольшей степени, по сравнению с другими доходными группами в составе безработных, тяготит положение безработного (70,6% по сравнению со средним показателем по массиву — 53,9%). Их положение заметно отличается от положения других групп в худшую сторону по ряду ключевых показателей уровня жизни, что позволяет утверждать, что они испытывают многомерную депривацию (табл. 1).

Отметим, что у бедных, как и у всех наших респондентов-безработных, на первом месте (по частоте ответов) среди основных жизненных ценностей находится «семья» (отметили 75%), а главное отличие заключается в большей значимости для них «интересной работы» (отметили 48% при среднем показателе 41,7%) и «стабильности условий жизни» (38,5% против среднего 30%). Среди бедных 60% являются лицами интеллектуальных занятий, с высшим образованием (в составе наших респондентов-безработных таких 48,5%). Возникающее с потерей занятости ощущение своей бесполезности, боязнь быть изживенцем, приобрести имидж неудачника являются сильными факторами психологического стресса (табл. 2).

Потеря занятости у большинства бедных (78,8%) произошла в связи с массовыми увольнениями с предприятий из-за резкого спада производства. Отсутствие в народном хозяйстве вакансий соответствующего уровня квалификации препятствует новой занятости безработных. Состояние безработицы бедные переживают особенно тяжело из-за отсутствия либо очень небольших размеров денежных накоплений в семье: 59,6% бедных ответили, что в их семьях вообще нет сбережений, а 35% имеют сбережения на уровне прожиточного минимума одного человека в месяц. Лишь у 1,9% бедных остаются деньги после расходов на питание и необходимые платежи, у 51,9% респондентов практически ничего не остается, а 46,2% бедных ответили, что им приходится жить в долг, занимать деньги. Положение усугубляется тем, что в нашем подмассиве бедных значительную долю занимают семьи, в которых нет работающих членов, основным источником денежного дохода являются пособия, пенсии, стипендии (23,1% бедных против 13,6% в исходной совокупности безработных).

Пессимистичны оценки бедными своих перспектив получить работу, соответствующую их уровню квалификации: лишь 17,3% убеждены, что «шансы есть, нужно лишь продолжать поиск работы», а более 1/4 (26,9%) считают, что у них «нет никаких шансов». Чем более реальной становится угроза профессиональной деградации, тем больше люди размышляют о выполнении альтернативной доходной деятельности, такой как оказание различных видов консультирования, работы социального характера (уход и присмотр за престарелыми и больными), содержание домашнего детского сада и т.п. При этом лишь немногие ничего не предпринимают, чтобы улучшить материальное положение семьи (таких лишь 9,6%). Усилия осуществляются в основном вне рамок рынка труда и без помощи со стороны специализированных государственных учреждений, например, службы занятости: более половины бедных (51,9%) почти полностью обеспечивают себя некоторыми продуктами питания (напомним, что опрос проводился в Новосибирске; на селе люди повсеместно занимаются самообеспечением продовольствием); 36,5% бедных используют любую возможность подработать (в нашем массиве бедных основную часть составляли лица в наиболее активном возрасте и лишь 17,3% — в предпенсионном, старше 50 лет). И несмотря на активные индивидуальные усилия, каждый пятый среди опрошенных бедных (21,2%) указал, что приходится распродавать кое-что из накопленного имущества, чтобы улучшить материальное положение семьи. Трудности, которые внесла в индивидуальную жизнь экономическая реформа, развеяли у значительной части респондентов иллюзии относительно социальной

⁶ Цитируется по [6]

**Распределение ответов на вопрос «От чего очень важного для Вас Вы вынуждены были отказаться?»
(в % к числу опрошенных каждой группы)**

Варианты	Все безработные	В том числе бедные
От		
любимой работы	23,3	30,8
надежды улучшить жилищные условия	24,3	28,8
необходимых медицинских услуг из-за их дороговизны	19,4	28,8
привычной структуры питания	39,8	40,4
намерений дать хорошее образование детям	7,8	15,4

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Что Вас больше всего страшит в состоянии безработицы?»
(в % к числу опрошенных каждой группы)**

Варианты	Все безработные	В том числе бедные
Нехватка денег	85,4	96,2
Ощущение своей бесполезности, опасение невозможности реализовать себя нигде, кроме работы	40,8	48,1
Ухудшение отношений в ближайшем социальном окружении	44,7	44,2

защиты со стороны государства: 34,6% бедных считают, что о своем материальном положении должны заботиться сами люди, 13,5% убеждены, что государство должно помогать только нетрудоспособным. Наряду с этим 28,8% бедных разделяют точку зрения, что «государство должно нести ответственность за материальное благополучие своих граждан».

Вопрос, на который пока мы не можем дать определенного ответа: образуют ли бедные не только экономически депривированную группу, но социально обособленную группу в своей комьюнити? По материалам нашего обследования можно сделать предварительное заключение, что бедность, появившаяся в результате потери работы, сопровождается изменением привычного круга общения: каждые двое из трех опрошенных ответили, что стали реже встречаться с прежними друзьями и даже избегают общения с ними. По-видимому, отторжение бедных из прежней социальной среды ощущается бедными очень болезненно, т.к.

среди жизненных ценностей, при безусловном лидерстве ценности семьи, более половины бедных выделили «хороших друзей»: заметное место среди ценностей отведено хорошим отношениям между людьми (отметили 1/4 бедных).

* * *

Итак, потерявшие работу имеют наибольший риск опуститься ниже черты бедности из-за обесценивания сбережений, низкого спроса на рабочую силу в период экономического спада, отсутствия опыта дополнительной занятости (в отличие от распространения подобной практики в Польше или Венгрии, например), скудности средств социальной поддержки и т.д.

Мы полагаем, что для большей части городского активного населения состояние бедности, как правило, вызывается потерей работы. Но в текущей ситуации распространения скрытой безработицы, когда на большом числе предприятий используется занятость неполное время, устанавливаются вынужденные отпуска работников без оплаты, группы риска (с точки зрения «попадания» в бедность) составляют те люди, которые заняты на участках с низким заработком или на гигантских предприятиях, не обладающих гибкой приспособляемостью к условиям рынка. Часто последние принадлежат к военно-промышленному комплексу. Вместе с тем бедные среди категории работающих имеют перед безработными те преимущества, что обладают доступом к ряду социальных благ, которые продолжают распределяться через предприятия: они не отделены от трудового коллектива и, следовательно, в меньшей степени подвержены маргинализации, особенно ее психологическим тяготам, но они же в наименьшей степени попадают под опеку Служб социальной защиты населения.

Есть некоторые специфические обстоятельства, которые делают депривацию ряда социальных групп субъективно еще более тяжелой. Во-первых, унаследованная советская

психология. В прежнем общественном устройстве государство гарантировало всем людям полную занятость и умеренный, но удовлетворительный уровень потребления, причем независимо от их трудового вклада и индивидуальных усилий. В настоящий переходный период адаптационный механизм к рыночным условиям формируется у людей очень медленно.

Обнадеживает, что отмечается склонность у молодых людей к предпринимательству и у людей умственных занятий — к переподготовке. Во-вторых, отсутствие у людей убежденности, что ситуация может улучшиться, поскольку российское общество испытывает затяжной экономический кризис. В-третьих, нет осознания необходимости жертвы в виде временного (временного ли?) ухудшения жизненных стандартов ради будущего, как это было в период индустриализации, в 30-е годы или в послевоенный восстановительный период, когда люди зачастую демонстрировали трудовой энтузиазм в сочетании с бедностью.

Становится ясно, что прежняя, относительно небольшая социальная дифференциация трудящихся россиян разрушается по мере распространения рыночных отношений. «Размывается» массовый средний слой, происходит поляризация населения по уровню жизни на богатых и бедных.

Изменяются механизмы пополнения социальных страт. В совокупности механизмов социального воспроизводства на смену тем, которые действовали, главным образом, на базе преемственности поколений или семейно-демографических факторов, приходят механизмы, «встроенные» в процессы трансформации национальной и региональных экономик, в частности, изменений условий предпринимательства и найма.

Как следует из вышеприведенных материалов, еще рано делать заключение о культуре бедности в России. Можно лишь утверждать, что российский феномен бедности претерпевает качественные изменения, часть из которых можно рассматривать как проявления формирования культуры бедности.

Во-первых, тенденция ограничения потребления бедных кругом товаров, продуктов и услуг невысокого качества; во-вторых, экономия всех расходов, начиная с питания; в-третьих, отказ от некоторых видов потребительского поведения (по поддержанию здоровья, повышению образования, туризму и т.д.); в-четвертых, наметившийся курс на обучение детей из бедных семей в общедоступных бесплатных школах, качество преподавания в которых ниже из-за дефицита ресурсов и оттока хороших учителей; в-пятых, ограничение участия в общественной

и политической деятельности и сведении его к номинальному участию, и, наконец, маргинализация (одиночество, утрата индивидом социальных связей).

Переход к обществу, основанному на рыночных отношениях, где доминируют идеология индивидуализма и соответствующие ценности (стремление к богатству, успеху), осуществляется при отсутствии (либо слабом развитии) социальных институтов, обеспечивающих общественно

одобренные способы достижения значимых целей, и при дефиците легитимных средств у населения для начала предпринимательской деятельности. Обогащение криминальными способами ведет к все большей дезинтеграции бедных и богатых. Чертами переходного периода являются также следующие:

— разрушение прежних механизмов социальной интеграции из-за их неприспособленности к расслоению общества, распространению рыночных отношений. Установление доступа к ведущим общественным благам на основе платности, в зависимости от уровня денежных доходов, ведет к социальной эксклюзии отдельных категорий населения;

— расширяющаяся многомерная депривация со специфическими проявлениями в отдельных социальных группах и комьюнити. Наблюдается общее и особенное в генезисе депривации маргинальных групп;

— проявляются признаки формирования новых механизмов социальной интеграции различной природы, в том числе стихийно нарождающиеся внизу, в комьюнити, либо в социально-профессиональной среде в целях выживания, сохранения целостности социальных ячеек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саркисян С.Т., Кузнецова Н.П. Потребности и доход семьи. М.: Экономика, 1967.
2. Mozhina M. The poor. What is the Boundary Line // Problems of Economic Transition. October, 1992.
3. Аргументы и факты. 1992. №35, 38—39.
4. Там же. 1993. №30.
5. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информ. бюл. М, 1993
6. Эюэн Э. Некоторые ключевые вопросы сопоставительного исследования бедности, "Международный жури, социальных наук. 1993. № I.

7. *Зубова Л., Ковалева Н., Хахулина Л.* Бедность в СССР: точка зрения населения // *Вопр. экономики.* 1991. № 6.
8. *Экономические и социальные перемены...* 1993. №4.
9. *Человек и труд.* 1993. № 56. С. 91—93.
10. *Sipos S.* Poverty measurment in central and eastern Europe before the transition to the market economy (Report) // UNICEF. 1992. July.
11. *Tchernina N.* Employment deprivation and poverty: the ways in which poverty is emerging in the course of economic reform in Russia. (Working paper) // FLO, Geneva, 1993.